

Никитичъ здѣсь, а считая его еще въ Володимирѣ, остановился я у Пастухова и сегодня весь день былъ въ разѣздахъ и хлопотахъ. Все утро табалу пробилъ въ казенной полатѣ, и ни какого дѣла еще не было. Обѣдать зазвалъ меня къ себѣ другъ нашъ Антонъ Никитичъ, съ которымъ поговорили мы много о тебѣ. Какъ онъ, такъ и его Анна Ивановна очень интересуются тобою. Я общалъ имъ прочесть твои письма, которыя у меня съ собою. А послѣ обѣда былъ у нашего Николая Сергѣевича Давыдова. Онъ ко мнѣ по-прежнему очень благопріятенъ. Но я не могъ довольно надивиться, какъ люди, находясь въ такомъ критическомъ и прескверномъ положеніи, въ какомъ теперь онъ, могутъ принимать на себя наружный столь спокойный видъ, какъ бы ничего не бывало. Отъ него я только-что пріѣхалъ, но не успѣлъ успѣвшись начать къ тебѣ письмо писать, какъ въ двери ко мнѣ нашъ Иванъ Тимоѣевичъ Алабинъ, новый Епифанскій судья, господинъ засѣдатель уѣзднаго суда!...

Письмо 262.

«Это были фарфоровые заводы [въ Петербургѣ]. Хотя вы и изволили писать, чтобъ я постарался на нихъ побывать, но я, имѣвши до того еще случаи наслышаться объ нихъ довольно, великое имѣлъ и желаніе ихъ посмотреть. Здѣсь есть нѣкто изъ знакомыхъ Михайлы Васильевича г. Берникова. Онъ—изъ первыхъ здѣсь архитекторовъ и находится при князѣ Вяземскомъ, равно и при сихъ славныхъ у насъ въ Россіи заводахъ. Онъ-то, увидѣвъ наши пески и узнавъ, что я любопытствую видѣть здѣсь все примѣчанія достойное, общалъ меня свозить туда и все показать. Вчерашній день былъ къ тому назначенъ. Ранѣхонько вставши и одѣвшись, поѣхали мы съ братомъ Михайломъ Васильевичемъ къ сему г. Берникову. Даль ужасная! за Невскій монастырь и внѣ города, и тамъ уже недалеко и заводы. Теперь скажу вамъ, батюшка, что я сколько ни благодаренъ

былъ ласками къ себѣ г. Берникова, но еще болѣе онъ меня обязалъ, взявши на себя трудъ меня повсюду выводить и все показывать. И въ самомъ дѣлѣ, насъ выводили всюду-и-всюду и все мнѣ показывали. Словомъ, я видѣлъ все, и имѣю теперь великое понятіе о всѣхъ работахъ при дѣлахъ фарфоровыхъ вещей и какія притомъ различныя распоряженія и установленія. Есть также много и очень много и тутъ чего посмотреть, а особливо въ разсужденіи изящества и совершенства многихъ скульптерныхъ работъ и фарфоровыхъ штукъ. Для глазъ же болѣе всего, между прочимъ, зрѣнія достойна полата, наполненная отдѣльными уже совсѣмъ вещами и разставленными для продажи. Въ семъ магазинѣ находится фарфору на многіе десятки тысячъ. И мы не утерпѣли съ братомъ, чтобъ не промотать на то по нѣскольку рублей. Мы хотѣли-было еще съѣздить къ князю Вяземскому на дачу, гдѣ есть также кое-что зрѣнія достойнаго.

«Теперь скажу вамъ, батюшка, что это у насъ здѣсь за зима! Никто отъ роду не помнитъ таковой непостоянной и негодной. Сколько разъ замораживало и сколько разъ дѣлалась оттепель! Сія же послѣдняя сдѣлала теперь все сквернымъ, и сколько хороша по наружности, казалось, стала зима, столь скоро она и сошла. Слякоть, дождь, а особливо севоднешній проливной, согналъ снѣгъ до единой капли. Все обледѣло такъ, что никому нѣтъ способу на ногахъ держаться. Каналы всѣ покрыты водою. Неву также во многихъ мѣстахъ взломало, боятся даже, чтобъ не прошла, а о дорогѣ сказываютъ, что и говорить уже нечего: ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣхать нельзя.

«Севодня слышали мы, будто нашъ на-мѣстникъ Кречетниковъ подалъ уже челобитную въ отставку и объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ. И сіе извѣстіе меня нѣсколько потревожило и въ разсужденіи васъ, но не знаю, можетъ быть сіе

еще и не правда, и не одни-ль еще тому догадки.

«Еще скажу вамъ о снахъ, что вы изволите писать; то и я, не будучи никогда суевѣромъ, дѣлаюсь отчасти имъ вѣрующимъ. Повѣрите-ли, судырь, что истинно частехонько такіе грезятся сны, которые заставляютъ поневолѣ ихъ примѣчать, по что-жъ? вѣдь точно и сбываются! Можетъ быть, сокрывается тутъ какое-нибудь таинство природы, либо происходитъ отъ разгоряченныхъ умовоображеній....»

17 декабря, въ понедельникъ, по-утру.

«Вчерашній торжественный для меня день и кончился весельемъ. Я вамъ расскажу въ чемъ оно состояло. Не успѣлъ я вчера остановиться къ вамъ писать, какъ вдругъ подають мнѣ листокъ, объявление театральное о севоднешнемъ спектаклѣ, что будетъ представлена большая комедія «Мѣщанинъ въ дворянствѣ», со многими весьма хорами и балетами, и чтосимъ представленіемъ закроются театры до самаго 7-го генваря. «Вотъ тебѣ на! воскликнулъ я! поэтому врядъ-ли мнѣ удастся посмотрѣть еще здѣшнихъ театровъ, но я не пропущу сей разъ и поѣду въ театръ». Я подкрѣпилъ свое намѣреніе тѣмъ, что братъ Михайло Васильевичъ далъ мнѣ знать, что сія піеса достойна зрѣлища. Итакъ, я хотя и не думалъ совсѣмъ быть севодни въ театрѣ, а хотѣлъ побывать кой-у-кого знакомыхъ, но въ одну минуту вздумалъ и туда поскорѣй поѣхалъ, чтобъ застать лучшее мѣсто; хотя и раненько слишкомъ пріѣхалъ, но время ожиданія представленія провелъ не напрасно, ибо въ сіе время познакомился какъ-то очень скоро съ двумя армейскими капитанами, которые были во всѣхъ нынѣшней кампаніи съ Шведами сраженіяхъ и довольно въ сіе время наудовольствовалъ свое о томъ любопытство. Впрочемъ, скажу вамъ, что много разъ благодарилъ себя, что поѣхалъ севодни въ театръ; піеса очень

достойна зрѣнія. Съ одной стороны ужасная ея сатира, а съ другой—количество заставляли всѣхъ зрителей смѣяться до надрыву, но какіе въ ней хоры и балеты и изображеніе всего великолѣпія свиты Турецкаго султана, то можно сказать, что въ семь родѣ она есть наизящнѣйшая піеса. Глаза и уши великія чувствовали при томъ удовольствіи. Но не одному себѣ снискалъ я удовольствіе, что видѣлъ сей спектакль. Я бралъ съ собою въ театръ Василья и Тимошку, и они совершенно очаровались видѣннымъ всѣмъ и слышаннымъ, а особливо балетами, которые и въ самомъ дѣлѣ совершенны въ своемъ родѣ.

«Погода у насъ продолжается очень ненастная; то-и-дѣло дождь, и не осталось нигдѣ ни малѣйшаго признака, что остановилась зима и было много снѣга. Вообразите себѣ, какая это чудная зима: Рождество Христово уже на дворѣ, а у насъ настоящая осень, такъ какъ бы въ сентябрѣ! Улицы всѣ здѣсь запружены грязью и жидкимъ киселемъ; хотя куда и хотѣлось бы съѣздить или сходить, поневолѣ иногда посидишь дома. Что-то у васъ тамъ? Не бѣжала-ли также зима куда-нибудь въ гости, какъ здѣсь? распутица ужасная!

«Бѣду я сперва къ старику своему Артемью Никитичу, давно уже мнѣ хотѣлось у него побывать, но все не удавалось, либо за непогодю, либо по краткости времени, въ разсужденіи отдаленности его жилища. Погода севодни сдѣлалась также лучше и подмерзло немного; ни холодно, ни тепло. Старикъ принимаетъ меня по-прежнему опять очень ласково и не знаетъ какъ наговориться. Я просидѣлъ у него до 12 часа и множество было у насъ разговоровъ, сколько ничего незначащихъ, а болѣе касающихся до наукъ и до прочаго. Опъ мнѣ на сей разъ далъ у себя почитать одинъ скорописный переводъ, по важному содержанию котораго дать мнѣ на время домой никакъ не соглашался. Книжка сія

переходить секретно изъ рукъ въ руки, а названіе имѣть «Подарокъ китайскаго императора европейскимъ государямъ на новый 782 годъ». Сочиненіе, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно острое и умное, состоящее въ тонкой политической критикѣ и дѣяніи всѣхъ нынѣ царствующихъ въ Европѣ государей, каждому особю, и многія изъ нихъ расчипаны тутъ въ прахъ.

«Давно уже хотѣлось мнѣ побывать въ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ киркахъ, но все какъ-то не удавалось. Вчера же поутру, имѣя опять братнину карету свободно, поѣхалъ къ обѣдни въ католическую церковь, и не раскался, что сіе сдѣлалъ. Я пріѣхалъ туда въ самую пору и, къ моему счастью, служеніе отъ правителя во всей формѣ, слѣдовательно, я и имѣлъ случай насмотрѣться довольно и видѣть весь обрядъ служенія католическаго. Лютеранское я видѣлъ много разъ, какъ вы сами изволите знать, въ Москвѣ; но зрѣлище сего было для меня совѣтъ ново и любопытно. Ихъ образъ богослуженія—сколько съ одной стороны страненъ и смѣшонъ для невидавшихъ никогда его глазъ, столько съ другой стороны имѣетъ въ себѣ много почтеннаго и впечатлѣвающаго въ человѣческихъ мысляхъ. А особливо трогательное играніе на органахъ, соединенное съ пѣніемъ, столь проникаетъ въ глубину сердца, что мнѣ кажется, что сіе установленіе весьма полезно и удобно для возженія пламеннаго къ Богу усердія въ истинномъ христіанинѣ. Также можно приписать похвалу и самимъ католикамъ, что они съ великимъ благоговѣніемъ слушаютъ отправленіе своей службы, и усердіе многихъ изъ нихъ простирается до высочайшей степени, и начертано у всѣхъ на лицахъ. Впрочемъ, скажу вамъ, что прекрасная архитектура наружности и великолѣпное украшеніе внутренности здѣшней католической церкви—достойно великаго замѣчанія. Еще вамъ скажу, что во время обѣдни видѣлъ я тутъ нашего прежняго

капельмейстера поляка Роженбергскаго и не могу вамъ точно сказать, онъ-ли это, или нѣтъ, потому что видѣлъ его издали; однако кажется, что я не ошибся своими глазами и видѣлъ его храмѡва и въ зеленомъ кунтушѣ. Странно, какъ онъ сюда зашелъ, ежели это онъ.

Письмо 263.

«Въ разсужденіи вчерашней погоды еще вамъ скажу, что это? на одномъ дню сколько было переменъ оной; по-утру морозъ, мятель и ужасный вѣтръ съ моря, о которомъ опасались даже, что ежели продолжится, то чтобы не было наводненія. Всѣ каналы полны были водою почти съ берегами наровнѣ, и ежели бы не оныя, то вода въ Невѣ вѣрно бы вышла изъ береговъ; къ вечеру же утихло, былъ морозъ, но вдругъ сдѣлалось тепло, пошелъ проливной дождь и продолжался во всю ночь. Опять снѣжку—какъ не бывало, и малѣйшаго знаку не осталось; севодни же, слава Богу, морозъ, подмерзло, только все обледѣнѣло. Боже мой! когда это зима станетъ? Матерію для разговоровъ здѣсь служить то, что привезенныя со всѣхъ сторонъ въ городъ мяса всѣ испортились и протухли отъ оттепелей. Государыня весьма гнѣвалась на губернатора и оберъ-полицеймейстера, что допустили таковое продавать въ городъ и для сего третьяго дни зарывали даже въ землю великое множество мяса. Отъ сего оное очень вздорожало, претерпѣли много продавцы и терпятъ также и всѣ здѣшніе жители, ибо доходитъ говядина до 5 рублей пудъ! Какая неслыханная дороговизна, чтобы не дошло еще дороже.

«Я былъ севодни у обѣдни и ходилъ нарочно къ Спасу на Сѣнную, чтобы притомъ посмотрѣть, что есть тамъ примѣчанія достойнаго, о чемъ я довольно наслышался. И въ самомъ дѣлѣ, отслушавъ обѣдню, упросилъ я, чтобы отперли для меня большую, настоящую церковь, гдѣ есть что посмотрѣть, въ разсужденіи бо-

гатства и убранства иконостаса, а особливо болѣ всего замѣчанія достойно, славящійся тягостію своею литой изъ серебра престолъ въ алтарѣ; все сіе — построеніе покойника богача Собакина.

Письмо 264.

«Другою нетерпѣливостію мучимся мы узнать скорѣй, кто будетъ у насъ директоромъ. Свѣчинъ съ часа-на-часъ ждетъ указа о себѣ; уже есть здѣсь копія съ опредѣленія сенатскаго. Онъ снышался съ губернаторомъ и, ничего еще не видя, по дурному и негодному своему характеру, несетъ, сказываютъ, горы на всѣхъ и Богъ знаетъ что; а другіе ждуть возвращенія курьера, поскакавшаго отъ намѣстника просить, чтобъ того не дѣлали, а кого-нибудь инаго произвели, и либо Юницкаго, либо Грахольскаго, либо Веницеева. Итакъ, неизвѣстно еще кто будетъ, и не будетъ ли чего съ завтрашнею или севоднишнею почтою.

«Я вчерашній день проводилъ здѣсь въ Тулѣ по сущимъ пустякамъ, и возможно-ли, дни четыре живи единственно для того, что Веницеевъ всякій день ѣздитъ съ свѣтомъ вдругъ гайкать съ собаками на поле и не заляпаетъ въ казенную полату, а вице-губернатору съ нимъ видѣться надобно и спросить объ одномъ дѣлѣ. Не досада-ли сущая? Но мнѣ не таково досадно, потому что мнѣ здѣсь не скучно, и я то-и-дѣло, что кой-куда ѣзжу. Вчера былъ у отца Іеронима въ монастырѣ и имѣлъ случай видѣть рѣдкую церемонію и воздаваемую ему, какъ игумену, почесть. Видѣлся съ нимъ, говорилъ и онъ общалъ — было пріѣхать на вечеръ ко мнѣ, однако, не бывалъ, хоть мы его весь вечеръ прождали. Загулялся у Ливенцовыхъ. Мать твоя также все ѣздила по гостямъ, была у Петра Алексѣевича Кирѣева и у Верещагинныхъ, а днемъ все зябла въ рядахъ и покупала покупки. Но вѣдала бы, не ѣздила. Другъ сердечный Михаилъ Матвѣевичъ упротилъ и вызвалъ ее самъ всѣ

искупить, а тутъ далъ только сто рублей, хоть не покупай; а на это много-ли чего купить можно? Что изволишь съ нимъ дѣлать? Чудакъ совершенный! хочеть самъ искупить все въ Калугѣ!

«Ну, Павлушка, теперь поговоримъ о Московскомъ. Я, писавши къ тебѣ въ Тверь, хотя и приложилъ записку о томъ, что тебѣ въ Москвѣ исправить надобно; однако, поговорю и теперь. Пуще всего повидайся, Павлушка, съ Новиковымъ и домогайся какъ-можно получить отъ него денегъ, сколько бы то ни было. По сдѣланному мною счету долженъ онъ мнѣ теперь 634 рубля. Теперь не знаю, еще не получили-ли съ него что-нибудь Петръ Гарасимовичъ, съ которымъ я къ нему писалъ, а хотя-бъ и получилъ, но все проси еще, всѣхъ вѣрно не отдастъ, такъ хотя-бъ сколько-нибудь отъ него вытѣлбить. О переведенной книгѣ моей «Кларушкѣ» также добейся и возьми ее назадъ, если не начали печатать, и прямо скажи, что когда и съ «Магазиномъ» не раздѣляется, — такъ что уже надѣяться о сей книгѣ, чтобъ получить за нее что-нибудь! Въ межевой теперь бы весьма нужно выправиться: что наше спорное съ Пашковымъ дѣло, не рѣшено-ли? Ежели-бъ ты удосужился, то лучше бы тебѣ самому побывать и поговорить съ секретаремъ по той части или съ секретаремъ Гарасимомъ Ѳедоровичемъ Селижаровымъ. Онъ меня знаетъ и человѣкъ мнѣ очень знакомый; ему извѣстны всѣ дѣла и онъ скорѣй узнаеть и тебѣ объ обстоятельствахъ рассказать можетъ.

13 января, въ воскресенье, по-утру.

«Возможно-ли? и вчерашній день проваландался я здѣсь совсѣмъ по-пустому, какъ ни старался добиться толку, но никакъ не могъ. За мною нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, а держутъ, сами истинно не знаютъ за чѣмъ. За тѣмъ только и дѣло стало, чтобъ принять отъ меня ордера для свидѣтельства, но не принимаютъ, и все еще резолюція не вышла о приѣмѣ оныхъ. Нарочно медлятъ, чтобъ выиграть.

болѣе времени въ пользу Николая Сергѣевича, а я живи да поживай безъ всякаго дѣла и, что всего хуже, живи въ совершенной неизвѣстности, когда отпустятъ.

Въ тотъ же день вечеромъ.

«Ахъ, Павлушка! какой для меня былъ севоднешній день счастливый и веселый, и какимъ удовольствіемъ преисполненъ! Какими сладкими удовольствіями и ощущеніями объята была душа моя, и какая радость! Я узналъ въ оной, и узналъ печально и противъ всякаго ожиданія, ршеніе судьбы твоей; узналъ, что милый и любезный мой, Павлушка, и «паннской» и «мамастой» уже не сержантъ, а господнъ капитанъ!

«Наконецъ все свершилось!... да буди Богу многое благодареніе!... желаніи наши исполнились! порадуйтесь, батюшка! Я выпущенъ отъ армии капитаномъ къ штатскимъ дѣламъ. Будучи увѣренъ въ вашей ко мнѣ милости и любви, я надѣюсь также, что сіе извѣстіе васъ порадуетъ. Я поздравляю васъ съ новымъ молодымъ капитаномъ и желаю всюю душою, чтобы онъ, вступивъ въ новый сей чинъ, продолжалъ бы нести ваши къ себѣ милости и старался бы заслугами своими быть оныхъ достойнымъ.

«Впрочемъ, еще вамъ скажу, что зны нашей опять какъ не бывало: севодни весь день шелъ препроливной дождь и теперь еще продолжается, и все до крошечки опять согнало. Луки превеликія стоятъ на улицахъ. Когда это бывало? Уже генварь!...

«Надобно еще рассказать вамъ, батюшка, о свиданіи нашемъ съ Артеміемъ Никитичемъ. Онъ принялъ меня ласково, такъ какъ молодаго капитана, съ нѣкоторыми притомъ шутками. Я показалъ ему нынѣ вашу записочку о фабрикантѣ. Онъ не далъ мнѣ ее читать, а взялся самъ, и отношеніями вашими былъ очень доволенъ. Онъ нынѣ вспомнилъ, что слы-

халъ много объ васъ со стороны экономическихъ сочиненій, и что вы, будучи въ Кіасовкѣ, дѣлали какіе-то опыты съ ямами для навоза и проч. Всякій разъ, какъ я ни бываю у сего старика, то даетъ онъ мнѣ читать что-нибудь замѣчательное достойное. Нынѣ онъ читалъ мнѣ нѣкоторые піэсы своего сочиненія, которыя не могутъ быть объявлены, и мы проговорили съ нимъ весь вечеръ и о многихъ матеріяхъ; онъ далъ мнѣ также нѣкоторыя бумажки для списанія, жаль, что краткость времени и оныхъ величина не позволить сего сдѣлать.

«Раздѣлавшись благодареніями съ вышеупомянутыми лицами, надлежало мнѣ еще исполнить приказъ г-жи Травиной и побывать у оберъ-коменданта Чернышева. Я исполнилъ сіе севодни и, отправившись изъ полку, поѣхалъ на Петербургскую сторону въ крѣпость. Старикъ генераль очень предобрый, принялъ меня очень ласково, и пріятно ему весьма было то, что я пріѣхалъ его благодарить. Отправившись отъ него, долго я пробылъ еще въ крѣпости. Вы легко угадаете, что я сіе время не только не напрасну проводилъ, но имѣлъ еще множество удовольствій, разсматривая многіе невиданные мною предметы. Отъ генерала пошелъ я въ Петропавловскій соборъ и тутъ имѣлъ великую пищу для своего любопытства, разсматривая, во-первыхъ, сіе зданіе, потомъ гробницы государскія; нѣкоторыя работы рукъ Петра Великаго и великое множество трофеевъ, завоеванныхъ какъ у Турокъ, такъ и у Шведовъ въ нынѣшнюю войну и есть довольно чего посмотреть съ любопытствомъ, а потомъ исполнилъ свой обѣтъ и отслужилъ тутъ молебенъ. Не однихъ только людей и помогшихъ въ моемъ дѣлѣ милостивцевъ, но надлежало возблагодарить и того, который болѣе всѣхъ имѣлъ участіе въ благополучномъ окончаніи моего дѣла. Итакъ, принесъ я тутъ благодареніе Всевышнему, котораго великимъ милостямъ и святому покровительству я обязанъ всѣмъ тѣмъ,